

В условиях постэпидемиологического пересмотра взаимосвязей работа – дом – центр и роста онлайн-коммуникаций нет необходимости отстаивать исключительную важность многоэтажных жилых комплексов, расположенных в ближайшей доступности к функциональным подсистемам мегаполиса. Возвращение к жилью средней этажности внутри компактных локальностей, интегрированных в природное или историческое окружение, становится определенного рода реинкарнацией философии и языка органической архитектуры, понимаемой как органичная. Расширение этого тренда будет сопровождаться ростом спроса на деятельность архитектора – мастера органичной формы. Рассматривается метод работы архитектора, опирающийся на инвариантные коды органической архитектуры Ф. Л. Райта, ключевые архитектурные критерии компактной локальности и прогнозируемую коррекцию метода в связи со спонтанными трансформациями исходных проектных решений.

Ключевые слова: кризис городской среды; компактные локальности-полисы; архитектор-мастер; базовые компетенции мастера; интегральная форма; тактильное моделирование; соучастие. /

In the context of post-epidemic revision of work-home-center relationships and the growth of online communication there is no need to assert the exceptional importance of multistory residential complexes located in the closest accessibility to functional subsystems of the metropolis. The return to medium-rise housing within compact localities integrated into the natural or historical environment is becoming a kind of reincarnation of the philosophy and language of organic architecture. The expansion of this trend will be accompanied by an increased demand for the activities of the architect, the master of organic form. The article considers the method of work based on invariant codes of F. L. Wright's organic architecture, key architectural criteria of compact locality and predicted correction of the method due to spontaneous transformations of initial design solutions.

Keywords: crisis of urban environment; compact locality-polises; master architect; master's basic competences; integral form; tactile modeling; participation.

Актуальная органическая архитектура / Relevant organic architecture

текст

Сергей Малахов

Московский государственный строительный университет

Евгения Репина

Московский государственный строительный университет /

text

Sergey Malakhov

Moscow State University of Civil Engineering

Evgeniya Repina

Moscow State University of Civil Engineering

Кризис городской среды

Сколько бы ни говорили эксперты и общественность, сколько бы ни мечтали архитекторы о красоте городов, как бы ни были убедительны авторы оптимизированных стратегий расселения, все же в основном большие города продолжают превращаться в кошмар, сопровождаемый процессами фантазмагорического пиришества застройщиков массового жилья и, как следствие, необратимого разрушения сомасштабной человеку среды. Нечто похожее происходит в мегаполисах разных стран.

Оценивая сложившейся ситуацию, Ю. Палласмаа определяет ее как кризисное состояние ландшафта, объединяющего физические и культурные субстанциональности: «Мы живем в ландшафте, но и ландшафт живет внутри нас. Раны, нанесенные природе, выбоины на теле городских архитектурных ансамблей, уродливые здания – все это внешние материализованные свидетельства раскола и отчуждения или внутреннего пространства человека, или «души мира» [1]. В сжатом пространстве высотного жилого комплекса перестает себя проявлять тот тип городского перформанса, который производит подлинное соседские связи. Нет смысла описывать, что за этим таится, ведь это не просто грезы по поводу утраченного чувства обитания в своем микрокосме, это еще и сомнительная коммерческая эффективность, питающаяся верой обывателей в самодостаточность рыночного фальсифи-

ката среды. В публикации конфликтолога Е. Черновой [2] анализируется природа возникновения многоэтажных районов в периферийных зонах мегаполиса как следствие преобладания в России экономики рентного типа. В результате возникает, по словам автора, специфический «трущобный» сегмент застройки (рис. 1). Рост трущобного пояса поглощает истинные малые города.

Не меньшую угрозу будущему этих зон, как полагает Е. Чернова [2], представляет предстоящий через тридцать лет капитальный ремонт, а через пятьдесят или раньше – превращение этого сегмента в хлам и снос. Возможно, что это неприятное будущее случится и раньше. Предметом озабоченности эксперта послужила катастрофическая ошибка отечественной строительной отрасли, заключающаяся в изъятии фигуры домовладельца, способного выстраивать программу персональной заинтересованности в предстоящей реализации проекта, его долгосрочной коммерческой эффективности и действительно комфортной среде.

Но мы задаемся вопросом: насколько суть проблемы утраты гармоничной среды ограничивается лишь факторами экономических просчетов? Допустим, что в этой области урбанистической политики получится переориентировать строителей на другой тип массового жилья: компактные малые города, уютные кондоминиумы на восстановленных загородных площадках, самодостаточные локальности в окружении природных ландшафтов. И тогда закономерными могут оказаться вопросы, касающиеся архитектурного цеха, а именно: какую роль в преодолении среднего кризиса играют архитекторы, и далее – насколько практические методы архитектурной работы и устоявшиеся образовательные программы смогут соответствовать новым задачам?

Чтобы ответить на поставленные вопросы, рассмотрим несколько связанных сюжетов, относящихся, во-первых, к типологии альтернативного массового строительства, для реализации которой потребуются определение новой профессиональной роли и соответствующих компетенций архитектора, а во-вторых, определим возможное содержание метода формообразования, соответствующего этой миссии в целом.



> Рис. 1. Кризис городской среды. Красногорск, массовая жилая застройка (habr.com)



^ Рис. 2. а – домашний офис, работа фрилансера (arenter.ru); б – высокоскоростной поезд V300 Zefiro (vladivostok.bezformata.com)

Компактные локальности-полисы

Слова «малый», «маленький», «небольшой» звучат как напоминание о рациональных человеческих масштабах среды. Но при этом речь идет не о деревенских поселениях и не о коттеджных поселках, а о минимизированных «игровых» версиях городов. Разница между подобной локальностью и поселком заключается в активации «признаков полиса». Город (полис) очерчивает свои границы, включает в себя иерархически выраженные структурные элементы: главную улицу, площадь с общественным зданием, многофункциональность, относительно высокую плотность застройки, муниципалитет (пусть даже «игрушечный»), культурную программу, а соответственно – своеобразие городского образа жизни. Подобные локальности должны возникать повсюду, и они уже фактически существуют, например в историческом городе (его дворах и кварталах), поселках-станциях, академгородках и городских районах, сохранивших свою идентичность. При этом все более актуальным представляется происходящий процесс очередной «дезурбанизации», сегодня связанный с объективно возникшей необходимостью и возможностью дистантных коммуникаций: работы «из дома», онлайн-образования, курьерского обслуживания, роботизации фабрик, цифровизации, скоростного транспорта, движения «дауншифтинг», возрастающего интереса к жизни на природе и путешествиям (рис. 2).

Вынести город из города – задача, на первый взгляд представляющаяся невыполнимой: ведь мегаполис обеспечивается защитой системы, гарантирующей себе свою непоколебимость запретом на распределение экономических ресурсов, культурных ценностей и полномочий в пространствах периферии. Но сейчас ситуация меняется в связи с триггером изменений стратегии расселения, представшим вдруг в образе пандемии и напомнившим о настоятельной потребности, если не о необходимости общества устремиться к распределенному типу обитания, чтобы, в каком-то смысле, обеспечить выживание самой системе.

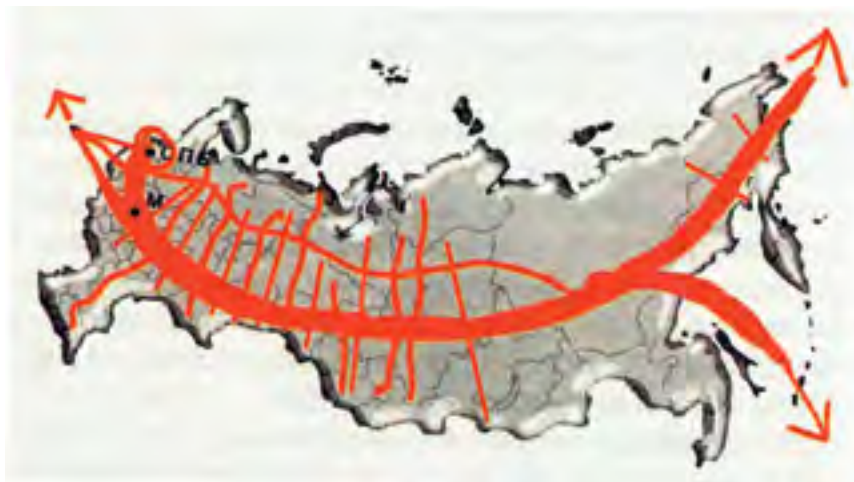
И здесь архитектурные методы и стратегии, на первый взгляд идеалистические, могут оказаться более уместными, чем бесконечные компромиссы между ключевыми стейкхолдерами системы. «Преобразующее воздействие

архитектуры по определению, считает Дмитрий Фесенко, оказывается наиболее зримым в переломных точках исторического развития, когда система утрачивает равновесие, и даже легкое воздействие – мах крыльев бабочки, по известной синергетической метафоре, – способно перевести ее в принципиально иное состояние» [3].

Компактные локальности, расположенные в оптимальной структурной комбинации со скоростными дорогами (желательно вдоль главной железной дороги страны, как это уже не раз было представлено в концепциях расселения, включая, к примеру, концепцию «Новый линейный город – 2100», [3]) и крупными существующими городскими центрами, прекратившими обезличивать собственную периферию, могли бы стать благодатной основой для реинкарнации заповедей органической архитектуры (рис. 3).

Однако, в отличие от концепции Usonian Houses [4], предполагавшей, по замыслу Райта, распределенное индивидуальное жилье «американского экономкласса», мало отличающееся от отечественных коттеджных поселков, существуют варианты более компактной формы локальности. Будет целесообразным обратиться к концепциям living together (multi-family housing), примеры

в Рис. 3. И. Лежава, М. Хазанов, М. Шубенков. Концепция «Новый линейный город – 2100» [3]



архитектуры по определению, считает Дмитрий Фесенко, оказывается наиболее зримым в переломных точках исторического развития, когда система утрачивает равновесие, и даже легкое воздействие – мах крыльев бабочки, по известной синергетической метафоре, – способно перевести ее в принципиально иное состояние» [3].

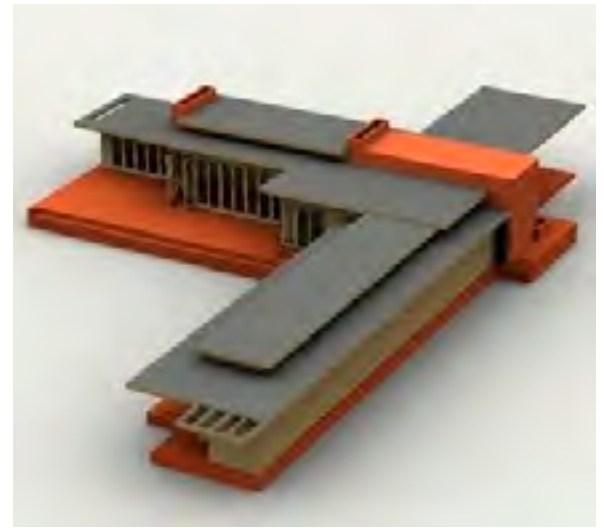


Рис. 4. а – модель Usonian House, ортогональная пластика, интегрированная в природный ландшафт (cgtrader.com); б – жилой комплекс в рамках концепции Living Together – Home Safe в Сан-Хосе, США [5]

ТИПОЛОГИЯ «ДОМ-ДВОР»



РЕКОНСТРУКЦИЯ И РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО КВАРТАЛА № 79 В САМАРЕ (ПРОЕКТ В ЧУМАНОВИЧЕВСКОМ РАЙОНЕ ГОРОДА)



Рис. 5.
 ^ а – элементы и морфология самарского двора – игровое воспроизведение города, пространство дружелюбного соседства (мастерская С. Малахова и Е. Репиной);
 > б – квартал № 79 в Самаре имеет все признаки небольшого города: главную улицу, центральное здание, высокую плотность, автономные подворья и многофункциональность (мастерская С. Малахова и Е. Репиной);
 > в – общественное пространство – «площадь» внутри исторического квартала (мастерская С. Малахова и Е. Репиной, архитектор И. Саффулина)

реализации которой опубликованы, в частности, в обзоре М. Кросби [5], и The Creative Community, представленной в анализе В. Свэбэка [6]. Райт задает нам рациональную форму исходной ячейки, в то время как М. Кросби демонстрирует принцип рациональной компоновки застройки, в определенной степени более подходящей для массового строительства (рис. 4).

Прекрасным примером трансляции кодов города в ограниченные по размерам локальности являются традиционные дворы и кварталы в Самаре и Одессе, коммунальное пространство которых интерпретирует пространство «игрового города». Проект реконструкции квартала № 79 в Самаре показывает формирование внутренней «городской» улицы, развитие парцелл в типологии «дом-двор» и становление многофункционального сценария, обеспечивающего «город» самостоятельной экономической стратегией (рис. 5).

Смысл интеграции обозначенных выше концепций заключается в намерении определить сбалансированные параметры возможной формы и стоимости для условий отечественного «распределенного города»; небольшие «органичные локальности» должны отвечать трем разумным параметрам: быть интегрированными в контекст (природный, исторический), быть (в экономическом смысле) более доступными по сравнению с коттеджной застройкой и являться «маленькими городами», в определенной степени – игровыми.

Озабоченность органичной формой и наибольшими размерами локальности не должна рассматриваться нами как препятствие на пути имплантации городского кода. Аурели в своем заключительном параграфе, обобщая опыты «городской поэтики» Палладио и Унгерса, манифестирует «архитектурную форму как отправную точку на пути к «городскому проекту»: «Архитектура – это не только физический объект, – заявляет он, – в ней живет идея города». Наверняка с этим утверждением согласились бы корифеи классической городской морфологии братья Крီး и Альдо Росси (рис. 6).

Архитектор-мастер

Утрата современным городом формы – центральный пункт происходящей полемики, в процессе которой



< Рис. 6. Город возникает при соединении жилых кварталов с общественными объектами (Леон Крие). Диаграмма (medium.com/g)

выясняется, что не все аргументы в пользу концепции «город без формы» обосновываются только такими «естественными обстоятельствами», как доминирование принципа спроса и предложения (диктата рынка и частной собственности).

В качестве «иного обстоятельства» мы рассматриваем вероятность образовавшейся вакансии ролей внутри архитектурного цеха, а именно – роли архитектора-мастера, специалиста, владеющего правилами и кодами средовой формы.

В архитектурной профессии образовался разрыв между двумя классами профессионалов: теми, кто сориентирован на уникальные и дорогостоящие заказы (и это фактическое меньшинство), и практиками, занятыми в коммерческом строительстве многоэтажных жилых комплексов с практически типовыми решениями. Первую группу можно условно отнести к архитекторам-концептуалистам, не только к отечественным, нередко озобоченным высшей степенью самопрезентации и, как считает Тадао Андо, уделяющим слишком много внимания внешним эффектам, а вторую – к «разработчикам-декораторам», исполнителям заданного алгоритма. В отечественной практике, на наш взгляд, остается незанятой серединой между двумя полюсами: место работы скромного архитектора-мастера, сосредоточенного на поддержании среды, одинаково альтернативной замкнутым элитарным анклавам и районам, подобным гетто.

Задачи и метод такого типа профессионала, понимаемые гораздо шире, чем благоустройство, должны быть сформулированы до того момента, как сложится система внешних факторов, способствующих переходу к оптимизированной системе расселения. Поэтому, несмотря на продолжающуюся полемику в отношении правомерности «автоматического урбанизма» и неизбежности сложившейся сверх иерархической модели расселения в мегаполисах, роль мастера средового проектирования все же должна быть осознана и отрететирована¹ [7]. Непосредственным развитием этой темы служит обобщение формальных кодов органической архитектуры в качестве инвариантной модели метода средового формирования, но с условием, что к инструментальному архиву Райта и его последователей будут добавлены

действия, связанные с самодостаточностью локальности как микрогорода и ясной ландшафтной формой. Дискурс предлагаемого синтеза «инвариантных кодов» с «добавленными действиями» раскрывает смысл предложенного названия метода архитектора-мастера средовой формы и данной статьи – актуальная органическая архитектура.

Базовые компетенции мастера

Архитектор внутри этого дискурса – проблематичная фигура, постоянно скованная обязательствами в отношении витрувианской триады: начинать проект будто бы всегда следует с пользы, т. е. с функции, а заканчивать – формой. Да, уверяет нас В. Лампуньяни, вся архитектурная работа – это создание формы, но начинать разработку проекта мы, по его мнению, должны все же с функции [8]. Да, так считали и основоположники функционализма Л. Салливан, Я. Ауд и даже А. Аалто. Но сутью их работы, несмотря на манифесты, оставалась архитектурная форма, организующая разнообразные жизненные слои, включая функцию как таковую.

Органичная локальность-полис представляется целью работы архитектора-мастера средовой формы. Выдвигая цель построения нового типа компактной застройки, интегрированной в ландшафт, мы полагаем, что компетенции формообразования должны быть представлены в методе мастера как первичные. В качестве источников формы подобного рода локальности примем, как уже упоминалось выше, инвариантные формальные коды органической архитектуры, адаптированные для модели целостного и компактного средового фрагмента, сценарий которого все же ассоциируется скорее с городским, чем с сельским образом жизни. Подобный сценарий становится возможным благодаря частичному переносу культурной и деловой активности на дистанционный режим, внедряемым смарт-технологиям, а также за счет воспроизведения некоторых существенных морфологических и функциональных элементов инвариантной модели полиса. С учетом этих новых обстоятельств представляются оправданными эксперименты по компактной застройке малой и средней этажности, интегрированной в природное или городское окружение и воплощающей программу дружеского соседства и самоуправления (рис. 7).

1. При взаимодействии с природным ландшафтом, считает Г.В. Есаулов, архитекторы должны воспринимать проектный процесс как деятельность, направленную «на воссоздание и сохранение ландшафта, его органичное включение в архитектурно-градостроительные объекты и, наоборот, их непротиворечивое встраивание в природу» [7].



^ Рис. 7. Городской район в Утрехте, Голландия. Интеграция новой застройки и природного ландшафта. Фото из статьи А. Старостиной (журнал Speech. 2017. № 18)

Базовые компетенции профессионала, вовлекаемого в массовую органичную архитектуру, на наш взгляд, должны отличаться от ныне распространенных в практике цеха: здесь именно интерпретативные способы формообразования вправе прийти на смену концептуальному методу проектирования; авторское самовыражение и амбиции должны уступить приоритетную роль анонимности высокого ремесла, основанного на «мастерской» интерпретации инварианта. В самом акте интерпретации, восходящему к основному методу, практикуемому среди ремесленников, включая нас, архитекторов, нет ничего предосудительного. Г. Грэм вообще придерживается того мнения, что «архитектура никогда не изобретает новые элементы», а является комбинированием уже известных приемов. При этом «проникновенное отношение к окружению» и «самоограничения», считает Д. Чипперфилд, характеризуют архитектора именно как мастера.

Обновлением профессионального метода является не только способность архитектора-мастера разрабатывать модели целостной формы среды, но и достаточно новая ролевая задача – соучаствовать в процессах непрерывно изменяющейся формы локальности и ее элементов² [9].

Любая интерпретативная модель локальности, ее изначально целостная форма в текущей редакции метода должна рассматриваться не как окончательная форма, а как предварительный концепт, предполагающий возможность последующего соучастия жителей и инвесторов. Чтобы быть готовым к подобным интервенциям, мастер должен научиться корректной реакции, предвидению изменений, контролю за кодами и диалогу с участниками процесса.

Тенденция выстраивания архитектором более компромиссных отношений с первоначальным замыслом формы получает все большее распространение в мировой теории и практике. Модернистская настойчивость архитекторов в попытках сохранения окончательной формы теперь все больше пересматривается самими авторами, изменяя методологический императив.

Б. М. Гетрик в редактируемом им сборнике «Спонтанный город» обращается к архитекторам и урбанистам с призывами изменить свой подход к профессии в том

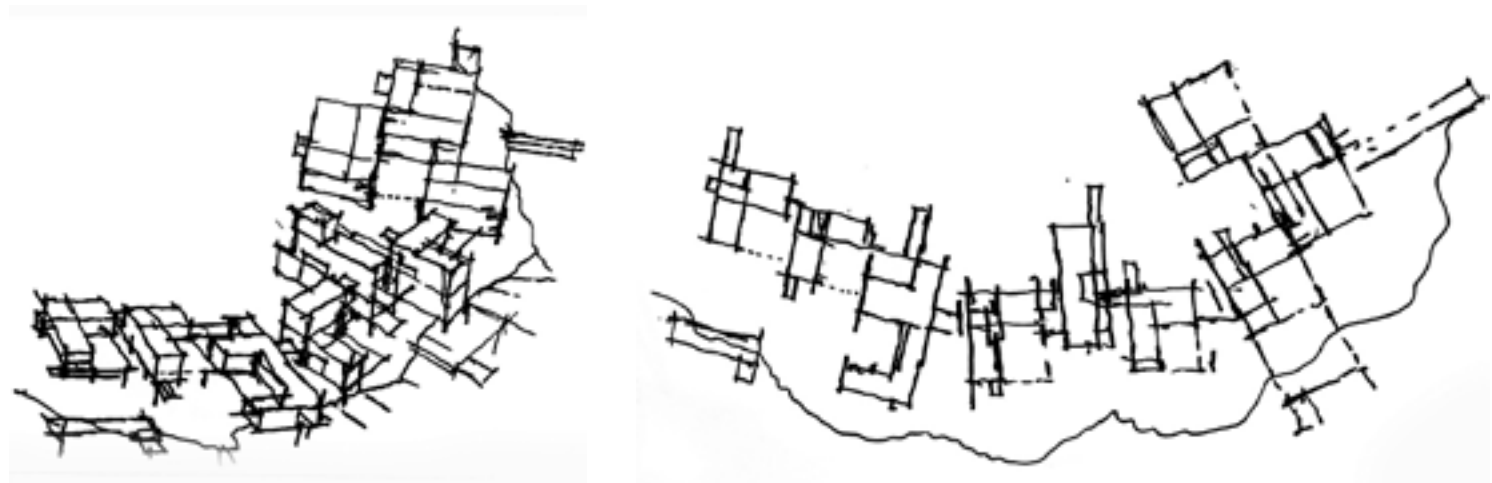
смысле, что «время методологической неадекватности» уходит в прошлое. Теперь настает время внимательного отношения к происходящим процессам, когда «неопределенность и неожиданные факторы должны быть встречены с мужеством и мастерством взаимодействия с непредсказуемым (Spontaneous City demands this Skills: its ambitions are large and its results uncertain) [10]. Соответственно, новому концепту мы должны интерпретировать целостную форму локальности как многостадийный процесс, внутри которого исходная модель «телесно-пластического образа» (МТПО) [11] должна выполнять функцию эскизной модели, соизмеряющей правила интерпретации инвариантных кодов и вероятный прогноз.

Интегральная форма

Предыстория взаимоотношений объекта и окружения (части и целого) как на физическом уровне, так и на уровне метасмыслов в современной архитектуре восходит к райтовской «концепции органической архитектуры»; при этом, как замечает Б. Пфайфер, органическое подразумевает органичное: «Слово «органическое» в архитектуре не означает «принадлежащее к животному или растительному миру». Оно относится к сущему, к целостности, поэтому, наверное, лучше употреблять слова «интегральное», «внутренне присущее». В том виде, в каком оно первоначально употреблялось в архитектуре, слово «органическое» означает: часть относится к целому как целое к части. Таким образом, сущее как интегральное бытие есть то, что в действительности означает «органическое». Внутренне присущее» [12]. Создание архитектурной модели целостной формы урболандшафта есть компетентное применение принципов интегральной формы.

Под простой интегральной формой мы понимаем действия с моделью урболандшафта, структурно-композиционной основой которых служит ортогональная ритмическая сетка – двухмерная и трехмерная [13] (рис. 8).

Оперирование простыми закономерностями органичного формообразования делает доступным и эффективным по качеству применение метода для значительного числа мастеров. Категория простой интегральной формы предполагает действие взаимно реагирующих физиче-



^ Рис. 8. «Городской лоскут» – пространственное развитие ортогональной ритмической сетки. Интегральная форма фрагмента локальности на базе слияния девяти L-образных модулей по типу Usonian Houses. Ритмическая сетка сохраняет принцип простой пространственной структуры, несмотря на трехфазовый поворот по линии изгиба рельефа. Эскиз С. Малахова

ских элементов объекта и его окружения с использованием свойств и преимуществ ортогональной сетки. Несмотря на все разнообразие формальных экспериментов в общей официальной истории органической архитектуры, наш выбор в пользу ортогональной ритмической сетки обосновывается стремлением к компромиссу между ожидаемой пластической гармонией объектов и ограничениями, обусловленными соображениями рационального толка. Нет никаких оснований, считает К. Кума, понимая, что органическая архитектура позиционирует идею организма, настаивать на применении языка, аналогичного форме живых существ. Сложного эффекта, на наш взгляд, можно достигать с помощью простого языка.

Ортогональная ритмическая сетка позволяет привести выразительные средства формообразования относительно больших фрагментов среды к вокабуляру, характеризующемуся тождеством элементов при одновременном изобилии пластических и пространственных эффектов интегральной формы модели.

Показательным анализом преимуществ ортогональной сетки является исчерпывающее по составу примеров из разных областей проектирования книга Л. Робертс и Д. Трифт «Дизайнер и сетка». Важность сетки для понимания непрерывности пространства определяется степенью ее признания в этой роли, что свидетельствует одновременно о степени профессионализма проектировщика. Концепция заключается в отрицании дискретного проектирования «пространств в объектах». Непрерывная ритмическая сетка связывает локальные формы общей ритмической структурой, пронизывающей и организующей весь космос, весь мир.

Профессиональность проектирования означает признание пространства как непрерывного целого. Пожалуй, именно довод в отношении пространства как непрерывного целого является сверхважным аргументом в выборе сетки в качестве ключевого инструмента в методе мастера органичной локальности.

Роль «окружения» в концепции интегральной формы в органической архитектуре Райта выполняет горизонтальный ландшафт.

Именно Райт оценил эстетические качества равнинного ландшафта прерии, приучившего его внимательно

относиться к мельчайшим изменениям рельефа, а также воспринимать саму атмосферу прерии «как необыкновенный дар». Подтверждением этому выбору может служить проект Broadacre City («Город широких просторов», 1931). Б. Пфайффер считает, что хотя Райт ненавидел город и считал, что человек должен жить в окружении природы, на самом деле ему была антагонистична не сама идея города, а его сложившийся тип. Последующим проектом-завещанием «Живой город» (The Living City, 1958) Райт, как считает Б. Пфайффер, наглядно демонстрирует свое решение здорового, гуманного и прекрасного города [12].

Согласно исходной концепции композиционного метода³ [13], задача регенерации целостной формы урболандшафта обусловлена идеями именно органической архитектуры, базовые концепты которой были заложены в творчестве Фрэнка Ллойда Райта.

К этим базовым концептам следует отнести особое отношение к взаимодействию объекта и окружения, доминирующим критерием которого является горизонтальная пластика, поддерживающая пологие формы природных очертаний рельефа. Собственно, если занимать корректную позицию, других специфических форм материковых природных систем фактически не существует, исходя из самой ситуации восприятия, когда человек наблюдает панорамное раскрытие ландшафтной картины вслед за линией горизонта и собственной практикой ориентации в пространстве земной поверхности.

Развитие пластического сценария горизонтальной формы урболандшафта, разумеется, происходило задолго до появления концепции органической архитектуры. Исходными элементами этого сценария можно считать исторические поселения, масштаб и форма которых не противоречили естественным характеристикам природных ландшафтов [14]. В итоге эволюционного процесса в нашем сознании сложились образы гармоничной организации места, и этот интуитивно осознаваемый императив является наилучшим ответом в отношении тех вызовов, которыми сопровождается происходящий в наши дни кризис гуманной среды и гармоничной формы ландшафта как его ключевой подсистемы (рис. 9).

3. «Композиционный метод архитектурного проектирования» – тема докторской диссертации С. Малахова.

> Рис. 9. Город Осташков – прекрасный образец интеграции локальности и природы. Горизонтальный урбандо-ландшафт выступает как пластическая парадигма органической средовой формы (pohod-vosemvrat.livejournal.com)



Из общего перечня инвариантных кодов интегральной формы (формообразующей стратегии Райта), отчасти восходящих к традиционной японской архитектуре, можно выделить как Г-образный, так и крестообразный план, а также частичное зависание сооружения над поверхностью (роль консольных выносов), горизонтальную пластику общей формы (соответствие пластичной горизонтальной форме ландшафта), террасы, контраст

простой стены и остекления, перетекающее внутреннее пространство, природные материалы и как общий композиционный принцип – несимметричную ортогональную ритмическую сетку в основе общей организации индивидуального жилого пространства. И хотя в намерения Райта не входила практика комбинаторного моделирования, для нашей ситуации именно набор формальных и – в определенном смысле – упрощенных операций

> Рис. 10. Инвариантные коды интегральной формы органической архитектуры.

а – Ф. Л. Райт. Вилла Кауфмана. Трехмерная экспансия в окружение, приоритет горизонтальной пластики формы (<https://www.frank-lloyd-wright-model-k.html>);

б – Ф. Л. Райт. Вилла Кауфмана. Ортогональная ритмическая сетка; план в форме креста с эксцентриситетом (<https://www.pinterest.com/pin/372461831661220329>);

в – Ф. Л. Райт. Usonian Houses. L-образный план (pinterest.ru Weltzheimer/Johnson House – Google Search Frank Lloyd Wright Buildings);

г – Ф. Л. Райт. Вилла Кауфмана: каскадное сечение с выносом террас и консолей (flickr.com Falling Water Section Final)



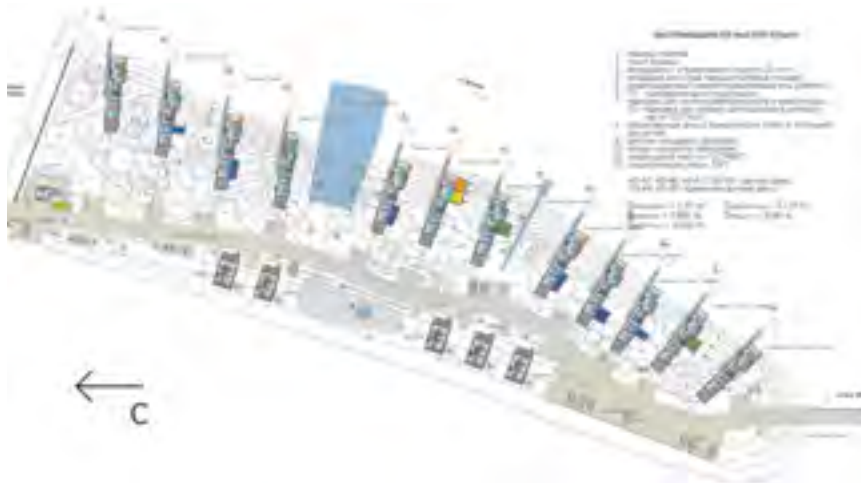


Рис. 12. Экспериментальный проект и реализация экологического поселения «Дэй Гилберт». Бюро «Ковчег», мастерская С. Малахова и Е. Репиной при участии К. Никонова, Д. Макаренко. а – Генеральный план локальности с размещением деревянных домов, зависающих на опорах над нетронутой природной поверхностью. Площадь на берегу, «городские ворота», мост, причал, «агора». Разворот из книги «Дэй Гилберт» (Екатеринбург: TATLIN, 2014); б – вид поселения со стороны реки (фото: @_bazilevs_#Самара)

и элементов может послужить основанием «оптимального профессионального ответа» на проблему интеграции объекта и его окружения (рис. 10).

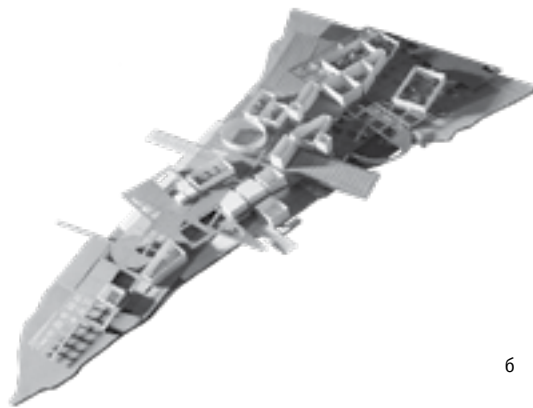
Благодаря этому ясному вокабуляру, набором формальных и структурообразующих приемов может воспользоваться именно архитектор-мастер, сущностной целью которого является контроль над воплощением базовых принципов органичной формы и целостностью среды.

Тактильное моделирование

Единство застройки и ландшафта обеспечивается осознанной установкой мастера на пластическое моделирование единого тела локальности. В композиционном методе роль этого действия выполняет эскизный ручной макет – МТПО (модель телесно-пластического образа) [11]. Вне скульптурного восприятия дальнейшие действия с формой обречены на воспроизведение очередной плоскостной структуры, не реагирующей на уникальные свойства рельефа. По мнению К. Блумера и Ч. Мура, только связи между телом, воображением и окружающей средой способны создать такую среду, которую мы способны «обжить», воспринять как собственную, установить связи между ними и тем, во что мы верим, что мы знаем и о чем думаем, т. е. присвоить, сделать частью нашего опыта и мира (рис. 11).

Мы видим разницу между чувственной формой русской деревни, ее слившейся с берегами застройкой и отутюженными до блеска плоскими жилыми комплексами в типологии living together, примеры которой приводит Кросби. В одном случае роль мастера органичной локальности выполнял коллективный опыт скромного обитания крестьянской общины, в другом – архитектор, озадаченный новой типологической компоновкой и изысканным языком. Наша новая цель заключается в том, чтобы объединить в единой модели два начала – природную интуицию скульптора, его восприятие ландшафта как живого тела, с типологией Кросби, добавив в модель элементы городского кода. Аналогичную задачу по интеграции застройки и природного тела лесного полуострова решала творческая мастерская авторов данной статьи в проекте экологического поселения «Дэй Гилберт» (рис. 12).

Действие с целостной формой локальности целесообразно начинать с выяснения особенностей исходного элемента, например индивидуальной жилой ячейки в жанре Usonian Houses. Эксперименты с комбинированием L-образного плана исходного элемента показывают его эффективность: Райт и его последователи в Тейлзине предугадали выгодное расположение жилого пространства, обнимающего индивидуальный квадратный двор, превращая дом в уютный семейный заповедник, достаточно изолированный извне. Аспект интегральности



< Рис. 11. Телесно-пластические модели локальностей (МТПО). а – восприятие модели локальности как телесно самодостаточной формы (руки мастера входят в контакт с моделью и передают скрытую информацию на уровне подсознания); б – модель локальности (застройка самарской Стрелки) воплощает принцип интегральной формы на основе ортогональной сетки, трижды изменяющей направление. Модели мастерской С. Малахова и Е. Репиной, авторы – Л. Сабирова, Д. Макаренко, С. Боранов



^ Рис. 13. Квартал № 50 в Самаре. Аксонометрия общего вида, демонстрирующая следы саморазвития подворий и спонтанное изменение первоначального облика застройки. Рисунок С. Малахова

формы исходной ячейки решается за счет возможности частичного смещения L-образного плана последующей ячейки относительно предыдущей. Мы именуем эти исходные элементы ячейками, хотя в силу индивидуализированного положения и наличия патио речь идет даже не о квартирах по типу блокированной застройки, а о частных домах, интегрированных в мини-город.

Замечательным предложением для мастера, предположительно берущегося за разработку модели органичной локальности, станет возможность ритмической импровизации в момент соединения исходных ячеек внутри плавно состыкованных секторов ортогональной сетки, накрывающей изменяющийся ландшафт. Это действие делает органичную локальность адаптивной телесным ощущениям обитателей благодаря тому, что мастер транслирует в общую форму глубоко прочувствованный контакт застройки и окружения. Импровизационный инструментальный мастера способен пополняться элементами инвариантного кода Райта и его последователей, включая русский супрематизм, «Де Стил», Баухаус.

Соучастие

Действия мастера, оперирующего инвариантными кодами органической архитектуры в интересах выработки целостного, органичного по форме фрагмента урбандиафрагмы (мегаобъекта) завязаны на неизвестную Райту и его модернистским последователям идеологию, а именно – на идею соучастия и концепцию «спонтанного города». В течение всего периода господства модернистской идеологии сохранение «первозданного облика шедевра» рассматривалось априори как неоспариваемая культурная норма.

Но если проблема органической архитектурной формы начинает восприниматься шире, как необходимость увидеть прекрасное в происходящем, то у архитекторов, углубленно работающих над задачами гармоничной среды появляется существенная причина включить в свое видение архитектурного продукта множественные непредвиденные трансформации формы.

Начиная со знаменитого эксперимента Р. Хакни в Мансфилде, все последнее время активно развивался новый тип архитектурной практики, получивший

несколько разных названий, в том числе «общественное проектирование», «партисипаторное», «адвокативное», «соучастующее проектирование». Идеи соучастия нашли отражение в экспериментальном проекте «МЕМ и РЕКС» (1985 г.) [15] и в последующей разработке идеи квартального архитектора творческим коллективом «Институт Города_Самара» [16]. Эстетическая стратегия мастера в новой редакции соучастующего проектирования предполагает признание саморазвития локальности и происходящих изменений исходной модели формы как новый стандарт прекрасного, соединяющего заданный стиль и спонтанность.

В принципиальном смысле эта идея следует деятельностному прототипу Р. Хакни (resident architect) и означает процедуру поэтизации и одновременно повышения уровня практической пользы от деятельности архитекторов. В идеале эта процедура заключается в том, чтобы в каждой локальности устроить рабочее место архитектора, полевою проектную студию, назвать его «архитектором локальности» (квартала) по аналогии с участковым врачом, сантехником или полицейским. Эта идея опирается на стратегию bottom-up, т. е. на глубокое убеждение, что жизнь лучше всего может быть организована силами самих живущих (рис. 13).

Малые проекты, перманентно корректирующие исходную модель, требуют смены профессиональной парадигмы, означающей теперь, что архитектор покидает Олимп своей исключительности и встречается с потребителем своего продукта лицом к лицу (рис. 8). Вопрос заключается в том, будет ли наш мастер готов к тому, что его прекрасная органическая скульптура подвергнется нашествию наивных и незлоумышленных переделок?

Выводы

1. Актуальная органическая архитектура есть дискурс обновленной философии Фрэнка Ллойда Райта применительно к проблеме альтернативного распределенного расселения в компактных локальностях, расположенных вдоль маршрутов оптимизированных транспортных коммуникаций, соединяющих крупные города.

2. Привлекательность новой профессиональной позиции – действия архитектора – мастера средовой

формы – совершенно состоявшийся запрос на отсутствующие компетенции: с одной стороны, на навык простых интерпретативных комбинаций инвариантных кодов, а с другой – на ответственное вовлечение в процессы самоизменения среды. В таком случае архитектор-мастер как бы определил Р. Сеннет, не только владеет навыками, но и является, по определению, «увлеченным человеком, в «устремлениях и разочарованиях которого отражаются более крупные проблемы», и в этом смысле он остается идеалистом. И мы тогда имеем в виду представителя «высокого ремесла».

3. Перечисленные «инвариантные коды», горизонтальный урболандшафт, модель телесно-пластического образа, структурно-функциональные характеристики полиса – все эти навыки мастера, соединенные с опытом соучастия, являются сложными и простыми одновременно. Простыми – потому что мы выбираем для решения задачи целостной формы ортогональную ритмическую сетку и ясные паттерны интегральной формы; сложными – из-за того, что эти навыки одновременно являются опытом скульптора и новой этической нормой профессии.

4. И мы не забудем про то, что пространственная морфология не только не является второстепенным фактором для установления «экологической устойчивости, доверия и равенства», как об этом мечтает Л. Холлис, но и тем специфическим инструментом мастера, который сможет регулировать дружеские взаимоотношения за счет присущих форме характеристик: совместных дворов, ограниченного размера, адаптивности архитектурного языка, транспарентности, компактности, совместного бизнеса и ритуалов.

5. У архитектурного образования может возникнуть акцентированная установка на целенаправленное обучение мастерству органической архитектуры. При этом искусство формообразования органичной локальности и навыки партисипаторного проектирования могут послужить связующим звеном между архитектурной программой и урбанистикой.

Литература

1. Палласмаа, Ю. Мыслящая рука: архитектура и экзистенциальная мудрость бытия / Пер. с англ. М. Химанен. – Москва : Классика XXI, 2013. – 175 с.
2. Чернова, Е. Российский рентополис: почему победил человек и что с этим делать? [Электронный ресурс]. – URL: <https://ardexpert.ru/article/22541>
3. Фесенко, Д. Е. Российская архитектура – на краю. – Москва : Архитектурный вестник, 2015. – 288 с.
4. Frank Lloyd Wright. Usonian Houses // Lindal.com [Электронный ресурс]. – URL: <https://lindal.com/floor-plans/sonian-houses/>
5. Crosbie, M. J. Living Together: Multi-Family Housing Today. – Mulgrave : Images Publishing Group, 2006. – 224 p.
6. Swaback, V. D., FAIA, FAICP. The Creative Community. Designing for Life. – Mulgrave : The Images Publishing, 2003. – 272 p.
7. Есаулов, Г. В. Архитектура в поисках гармонии // Academia. Архитектура и строительство. – 2010. – № 1. – С. 10–13
8. Lampugnani, V. M. Modernity and Durability. Perspectives for the Culture of Design. – Berlin : DOM publishers, 2018. – 112 p.
9. Репина, Е. А. Значение категории «случайность», «спонтанность» в научно-естественном и постмодернистском дискурсах и в современной архитектуре // Вестник Оренбург. гос. ун-та. – 2015. – № 5 (180). – С. 175–183
10. The Spontaneous City. Urhahn Urban Design / Ed. in chief Ch. Ernsten. – Amsterdam : Bis Publishers, 2010
11. Malakhov, S. A. The Concept of a Model of Plastic Bodily Image in Architecture // MATEC Web of Conferences, 2017 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.matec-conferences.org/articles/mateconf/pdf/2017/20/mateconf_spbw2017_01025.pdf
12. Пфайффер, Б. Б. Фрэнк Ллойд Райт. Архитектура Демократии / пер. с нем. – Москва : Арт-Родник, 2006. – 96 с.
13. Малахов, С. А. Общая структура и принципиальное содержание композиционного метода проектирования // Вестник СамГУ. Градостроительство и архитектура. – 2014. – № 3. – С. 31–36
14. Малахов, С. А., Никонов, К. Е. Гизполис: гармоничное и эффективное поселение. – Самара: Медиа-Книга, 2014. – 133 с.
15. Малахов, С. А., Яковлев, И. Н. MEM и РЕКС. Квартал – эксперимент естественного моделирования // Архитектура СССР. – 1985. – № 5. – С. 83–88
16. Репина, Е. А., Малахов, С. А. и др. Естественный город – опыт научно-проектных разработок // Innovative Project. – 2016. – № 2. – С. 24–45

References

- Chernova, E. (n.d.). Rossiiskiy rentopolis: pochemu pobedil cheloveinik i chto s etim delat? [Russian rentopolis: Why has the human hill won and what to do about it?] Retrieved from <https://ardexpert.ru/article/22541>
- Crosbie, M. J. (2006). Living Together: Multi-Family Housing Today. Mulgrave: Images Publishing Group.
- Ernsten, Ch. (Ed.) (2010). The Spontaneous City. Urhahn Urban Design. Amsterdam: Bis Publishers.
- Esaulov, G. V. (2010). Arkhitektura v poiskakh harmonii [Architecture in search of harmony]. Academia. Architecture and Construction, 1, 10-13.
- Fesenko, D. E. (2015). Rossiiskaya arkhitektura – na krayu [Russian architecture is on the edge]. Moscow: Arkhitekturnyi vestnik.
- Frank Lloyd Wright. Usonian Houses (n.d.). Lindal. <https://lindal.com/floor-plans/sonian-houses/>
- Lampugnani, V. M. (2018). Modernity and Durability. Perspectives for the Culture of Design. Berlin: DOM publishers.
- Malakhov, S. A. (2014). General structure and principal contents of compositional design method. Bulletin of Samara State Technical University. Urban planning and Architecture, 3, 31-36.
- Malakhov, S. A. (2017). The Concept of a Model of Plastic Bodily Image in Architecture. MATEC Web of Conferences. Retrieved from https://www.matec-conferences.org/articles/mateconf/pdf/2017/20/mateconf_spbw2017_01025.pdf
- Malakhov, S. A., & Nikonov, K. E. (2014). Giepolis: Garmonichnoe i effektivnoe poselenie [Giepolis: harmonious and effective settlement]. Samara: Media-Kniga.
- Malakhov, S. A., & Yakovlev, I. N. (1985). MEM i REX. Kvartal – eksperiment estestvennogo modelirovaniya [MEM and REX. Quarter – an experiment of natural modeling]. Architecture of the USSR, 5, 83-88.
- Pallasmaa, J. (2013). Myslyashchaya ruka: arkhitektura i ekzistsentsialnaya mudrost bytiya [The Thinking Hand: Existential and Embodied Wisdom in Architecture] (M. Himanen, Trans.). Moscow: Classica XXI.
- Pfeiffer, B. B. (2006). Frank Lloyd Wright: Arkhitektura demokratii [Frank Lloyd Wright. Architecture of Democracy]. Moscow: Art-Rodnik.
- Repina, E. A. (2015). Znachenie kategorii “sluchainost”, “spontannost” v nauchno-estestvennom i postmodernistskom diskursakh i v sovremennoi arkhitekture [Value of the category “randomness”, “spontaneity” in scientific and postmodern discourse and in modern architecture]. Bulletin of the Orenburg State University, 5 (180), 175-183.
- Repina, E. A., Malakhov, S. A. et al. (2016). Estestvennyi gorod – opyt nauchno-proektnykh razrabotok [Natural City – the experience of scientific and project development]. Innovative Project, 2, 24-45.
- Swaback, V. D. (2003). The Creative Community. Designing for Life. Mulgrave: The Images Publishing.